

«Древнетюркские» неурядицы

Л.Р. Кызласов

В 1957 году в юго-западной Туве в бассейне реки Саглы нами была обнаружена группа интересных памятников уюкской эпохи (VII-III века до н.э.). В 12 км к северо-востоку от поселка Кызыл-Тей в урочище Хачы-Хову возвышаются каменные столбы, огороженные прямоугольными оградами из плит, которые примыкают друг к другу по линии север — северо-восток, юг — юго-запад. В юго-западной ограде (2,2x1,7 м) находится четырёхгранный столб из серого сланца (0,64x0,4 м) высотой 2,4 м. На юг-юго-западной грани его выбит знак в виде двух соединённых вершинами треугольников и черты, идущей вверх от места соединения треугольников. В северо-восточной ограде (2,1x1,6 м) стоит столб (0,4x0,3 м) высотой 1,75 м. На юг-юго-западной его грани выбиты сверху вниз сакральные знаки: стоящий козёл и девять тамгообразных полустёршихся изображений. Здесь, как и на соседней стеле, имеется изображение соединённых вершинами треугольников, напоминающее спаренные секиры или боевой молот с ручкой, подобный найденному нами в одной из цист могильника Шанчиг (VII-VI века до н.э.). Совершенно аналогичные изображения козлов, тамгообразных знаков, «секир» или спаренных треугольников нередко встречаются на оленных камнях и на стелах, стоящих внутри оградок на территориях Монголии и Тувы [1].

В 1961 году стелы в урочище Хачы-Хову посетили археолог А.Д. Грач и тюркологи И.А. Батманов и З.Б. Арагачи, и с памятниками уюкской эпохи произошла неожиданная метаморфоза. А.Д. Грач, разыскивавший изображения «тамгообразных» козлов, символизирующие, по его мнению, власть древнетюркских каганов, выбитое вверху стелы изображение козла уюкской эпохи, отнёс к эпохе тюркского каганата. Все остальные знаки и обе стелы были им объявлены древнетюркскими. Так как он сопоставлял их со стелами поминальных памятников Кюль-Тегина и Бильге-кагана (30-е годы VIII века), у которых ниже тамг шли ру-

нические тексты, то и на стеле из Хачы-Хову под козлом он стал искать руническую надпись. И она «была обнаружена». И.А. Батманов и З.Б. Арагачи (Чадамба), занимавшиеся розыском стел, на которых, якобы, «легко обнаруживаются добуквенные знаки», приняли уюкские сакральные знаки за руническое письмо [2]. Ими «читались» только избранные тамгообразные знаки и почему-то сверху вниз. В результате такого «чтения» появилось имя «Номыш Баш», в частности изображение секиры с ручкой было «прочитано» как «Баш». Рисунок аналогичной секиры, выбитый на соседней стеле, также был признан за «надпись» [3].

Об этом курьёзном происшествии, можно было бы не говорить, если бы ошибочные заключения указанных авторов не проникли в специальную литературу. Они могут привести в дальнейшем к ошибкам как в археологии, так и в тюркологии. Археологам и этнографам хорошо известны высеченные на камне изображения спаренных треугольников, которые встречаются по всей огромной территории Старого света. Эти знаки вырезаны на сосудах культуры Хараппы в Индии, андроновской культуры Казахстана и карасукской культуры Хакасии; на скалах Аравийского полуострова и Монголии, на деревянных подвесках туяхтинских курганов Горного Алтая. Такими же рисунками воспроизводились царская тамга в африканском государстве Бенин, клейма карелов и т.д. [4]

Как установил Дж. Клосон, знак в виде спаренных треугольников в древнетюркском руническом алфавите отсутствовал. Не включил его в таблицу орхоно-енисейских рун и А.М. Щербак [5]. Очевидно, что в данном случае ни о каких древнетюркских надписях не может быть и речи. Изображение козла как и другие сакральные знаки и сами стелы из Хачы-Хову относятся к уюкской эпохе (VII-III века до н.э.) [6].

Это обстоятельство полностью опровергает «открытые» А. Д. Грачом в урочище Хачы-Хову «древнейшие тюркские погребения с сож-

(45/46)

жением», которые он, ссылаясь на стелы с изображением козла и пресловутую «надпись», отнёс к VI — началу VII века н.э. А.Д. Грачу, очевидно, не было известно, что тамга с характерным изображением козла имела только у каганской династии второго Восточнотюркского каганата, правившей после 682 года. Кольцевые выкладки, раскопанные им возле описанных стел, не содержали никаких указаний на дату. В их мелких ямках находились зола и обломки кальцинированных косточек [7]. В данном случае автор ошибочно принял за погребения остатки жертвенно-поминальных костров, на которых уюкцы сжигали мясо жертвенных животных.

-
- [1] М.Х. Маннай-оол. Тува в скифское время. М., 1970, стр. 22-38, рис. 2 (4); В.В. Волков. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967, рис. 24 (1); «Эртний судлал-угсаатны зүйн бүтээл». — «Studia Archeologica» Tomus II, fasc., Улаанбаатар, 1963, стр. 18, рис. 6 (42); стр. 20 (на монг. языке); I.G. Granö. Archäologische Beobachtungen von meiner Reise in Südsibirien und der Norwestmongolei im Jahre 1909. — «Journal de la Société Finno-Ougrienne», XXVIII, Helsinki, 1912, tafel X-XI; Ю. Б. Симченко. Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965 (особенно табл. 9, 19, 65).
- [2] См.: А.Д. Грач. Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии. — «История, археология и этнография Средней Азии». М., 1968; И.А. Батманов, З.Б. Арагачи, Г.Ф. Бабушкин. Современная и древняя енисейка. Фрунзе, 1962, стр. 25-28; «Памятники древнетюркской письменности Тувы», под редакцией И.А. Батманова и А.Ч. Кунаа, вып. 1. Кызыл, 1963, стр. 65-66; И.А. Батманов. О датировке енисейских памятников древнетюркской письменности. — «Учёные записки Тувинского НИИЯЛИ», X, Кызыл, 1963.
- [3] Тенденциозность И.А. Батманова и З.Б. Арагачи проявляется и в их поспешном выводе: «если удастся разыскать еще 2-3 таких надписи, как на стелах, найденных А.Д. Грачом, то будет полностью доказано местное (от Енисея до Орхона) происхождение древнетюркской письменности» — см.: И.А. Батманов, З.Б. Арагачи, Г.Ф. Бабушкин. Указ, раб., стр. 26 и ср. стр. 28-30.
- [4] См.: Э. Маккей. Древнейшая культура долины Инда. М., 1951, табл. XXVII, 3; А.Х. Маргулан, К.А. Акишев, М.К. Кадырбаев, А.М. Оразбаев. Древняя культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1966, стр. 80, табл. VI; Э.А. Новгородова. Центральная Азия и карасукская проблема. М., 1970, стр. 43, рис. 7; В.Н. Полторацкая. Знаки на предметах из курганов эпохи ранних кочевников в Горном Алтае. — «Археологический сборник Государственного Эрмитажа», № 5. Л., 1962, рис. 2 (4); Г.И. Боровка. Археологическое обследование среднего течения р. Толы. — Сб. «Северная Монголия», вып. 2. Л., 1927, рис. 11-12, табл. VII; — «Сборник Музея антропологии и этнографии», 17. М.—Л., 1957, стр. 348, рис. 5; — «Материалы по этнографии Государственного Русского музея», т. III, вып. 1. Л., 1926, стр. 153, рис. 9; E. Anati. Rock-Art in Central Arabia. Louven, 1968, t. 3, vol. 1, pl. VII, vol. 2, pl. XI.
- [5] G. Clauson. The Origin of the Turkish «runic» Alphabet. — «Acta Orientalia», XXXII. 1970, pp. 71-72. А.М. Щербак. Енисейские рунические надписи. — «Тюркологический сборник. 1970». М., 1970, стр. 123-124.
- [6] М.Х. Маннай-оол. Древнее изображение горного козла в Туве. — «Советская археология», 1967, № 1; см. выше примечание 1.
- [7] А.Д. Грач. Указ. раб. Та же ошибка допущена А.Д. Грачом при определении времени аналогичного комплекса в верховьях Хемчика (см.: А.Д. Грач. Археологические раскопки в Сут-Холе и Бай-Тайге. — «Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР», т. II. М.—Л., 1966, стр. 105-106).